

першаснага кананічнага варыянта. Так, з 250 мужчынскіх імён, ужытых ў г. Гомелі з 1951 па 2000 гг. 125 з'яўляюцца кананічнымі ці іх варыянтамі, з 295 жаночых антрапонімаў ў гэтую групу ўваходзіць толькі 80 адзінак, што складае адпаведна 50% і 27,12%. Меншая колькасць ужытых кананічных жаночых антрапонімаў тлумачыцца, магчыма, нязначнай, у параўнанні з мужчынскай часткай, колькасцю такіх онімаў у святцах.

2. Адпаведна носьбітамі кананічных антрапонімаў з'яўляюцца 36007 асоб мужчынскага і 30724 асобы жаночага полу, што складае адпаведна 96,77% і 87,35% ад агульнай колькасці зарэгістраваных. Малая колькасць ужытых кананічных жаночых імён кампенсуецца даволі значнай колькасцю іх носьбітаў.

3. Дадзеныя, атрыманыя ў выніку аналізу наяўнага іменаслову і апрацоўцы вынікаў даследавання прагназуемага антрапанімікону, у асноўным, супадаюць і сведчаць аб тым, што кананічныя праваслаўныя імёны складаюць і будуць складаць самую значную частку гомельскага (а ў больш шырокім разуменні, і беларускага) іменаслову.

Літаратура

- 1 Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун ; под ред. Б. А. Успенского / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 440 с.
- 2 Карніеўская, Т. А. Антрапанімікон Гомеля: стратыграфія і этымалогія / Т. А. Карніеўская // Тураўскія чытанні : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Гомель, 4 верас. 2004 г. / НАН Беларусі, Гомел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: У. І. Коваль [і інш.]. – Гомель, 2005. – С. 70–75.
- 3 Сулова, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – 3-е изд. – Л. : Лениздат, 1991. – 220 с.
- 4 Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое... / У. Юрэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 282 с.
- 5 Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Структура ўласных мужчынскіх імён / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
- 6 Герасимович, О. В. К вопросу о происхождении имён *Вера, Надежда, Любовь* / О. В. Герасимович // Беларуская аनाмастыка. Гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20 крас. 2010 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; рэдкал.: І. Л. Капылоў [і інш.] – Мінск, 2010. – С. 145–150.
- 7 Карніеўская, Т. А. Славянскія імёны ў гомельскім іменаслове / Т. А. Карніеўская // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы III Междунар. науч.-метод. конф., Брест, 22–23 нояб. 2007 г. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: Е. И. Абрамова [и др.]. – Брест, 2008. – С. 222–224.
- 8 Карніеўская, Т. А. Структурна-семантычны аналіз уласных імёнаў старажытнагрэчаскага і лацінскага паходжання / Т. А. Карніеўская // Изв. Гомел. гос. ун-та. – 2005. – № 1 (28). – С. 67–72.
- 9 Карніеўская, Т. А. Іменаслоў горада Гомеля другой паловы XX стагоддзя: фарміраванне, паходжанне, функцыянаванне : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Т. А. Карніеўская ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ-ры. – Мінск, 2011. – 21 с.

УДК 821. 161. 1-9:81'373.23

Н. И. Лапицкая

Имена библейских персонажей в пословицах

В статье рассматриваются функции использования личных имён библейских персонажей в текстах паремий. Паремии понимаются широко: в них, в частности, включаются паремии-приметы, в текстах которых в наибольшей степени проявляются особенности употребления наименований святых.

Язык выступает в качестве важнейшего элемента познания. Значимыми в этом отношении являются следующие высказывания Ф.И. Буслаева: «Сколько бы народ ни отклонился от своего первобытного состояния: пока он не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков. Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в

себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался; и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная надолго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу» [1, с. 87-88].

ИС гораздо более, чем другие языковые знаки, будучи универсалиями языка и культуры, выполняют функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа. Они являются сложными языковыми знаками. Эта мысль относится, в частности, и к ИС, функционирующим в текстах паремий-примет.

Особенностью описания данной группы ИС является учет связей каждого антропонима с обрядом, мифом, тем или иным звеном древней славянской культуры, что может снабдить слово дополнительной информацией.

Паремии-приметы представляют собой такой жанр устного народного творчества, в котором наиболее ярко отражается преломление образов христианских святых в народном сознании. Книжный облик святых смешивался в поэтическом воображении народа с другим обликом, возникшим на основе бытовых реалий, обрядов и обычаев, приуроченных к дням поминовения святых. Кроме того, образы святых органично включают в себя языческие верования и представления. К таким святым можно отнести Петра и Павла, Кузьму и Демьяна, Михаила, Илью, чьи дни празднования были наиболее значимыми для сельскохозяйственного календаря.

На наш взгляд, в текстах паремий-примет имена святых выполняют прагматическую функцию, т.е. являются средством выражения говорящего к персонажу (хотя уже сам факт наречения персонажа именем является отражением его значимости для определённого социума или индивида).

Имена святых апостолов *Петра* и *Павла* используются в паремиях типа: *Пётр да Павел день убавил, а Илья-пророк два уволок, Пётр и Павел два прибавил, Пётр и Павел – хороший парень, а Кузьма да Демьян – чистый грубиян* (Даль 3, 106).

Можно утверждать, что использование имен *Петр* и *Павел* в пословицах основано на церковном культе и на агиографических данных о святых апостолах. В данных текстах отражены реальные факты жития апостола Петра, одного из любимых учеников Христа, который был рыбаком (1 Кор. 9:5). По данным народного календаря, отразившего факты биографии св. Петра, «Петров день, день Петра рыболова, праздник Петра и Павла, 29 июня» (Даль 3, 106).

Функционирование имен *Петр* и *Павел* в паре также основано на библейских данных: святые апостолы были казнены в один день 29 июня 67 года (см. [2, с. 258]). Именно этот день – 29 июня (по старому стилю) – считается днем св. апостолов Петра и Павла.

Сближение образов Петра-Павла, выступающих очень часто как одно лицо, с Ильей отражают народные представления белорусов, зафиксированные А.Сержпутовским: «Павел-Пятро – такі сьвяток, што як яму не гадзі, а ён усе-такі пагноіць сена [...] А ён глухі да ўпарты, пасылае дож, як людзі косяць, да гноіць сена» [3, с. 215].

Одним из критериев использования имен святых в текстах паремий (как и в других фольклорных текстах) является их парность, «сдвоенность»: апостолы Пётр и Павел, мученики Кузьма и Демьян (часто Кузьма-Демьян), преподобные Зосима и Савватий и др. Такое использование имен «парных» святых связано с близнецным культом в различных мифологических традициях. Первоначально близнецы воспринимались как нечто страшное, опасное, рожденное неестественным путем, что было связано с отрицательной семантикой числа «два». В дальнейшем произошло переосмысление близнецного культа, сакральными стали считаться не только близнецы, но и их родители: «Сами близнецы и их мать рассматривались как существа, соприкоснувшиеся со сверхъестественной силой и ставшие ее носителями» [4, с. 175]. В первую очередь начинают развиваться представления о связи близнецов с плодородием, «рождение близнецов становится особенным, вещим знамением» [5, с. 280].

К числу таких «парных» святых, кроме Петра и Павла, относятся Кузьма и Демьян: *Кузьма закуёт, Михайло раскуёт, Кузьма с мостом, Никола с гвоздём.*

Имена собственные, называющие святых *Кузьму* и *Демьяна*, употребляются в текстах паремий в неканонической функции и связаны с народным культом святых Кузьмы и Демьяна.

В народном представлении Косьма и Дамиан слиты в один нераздельный образ Кузьмодемьяна, который является покровителем ремесел (кузнечного искусства и женского рукоделия) и змеборцем.

Осмысление Кузьмы как кузнеца в народном сознании произошло в силу звуковой ассоциации со словом *кузнец*. Как отмечает Т.Н.Кондратьева, «Кузьмодемьян стал кузнецом благодаря близости со словами *кузня, кузница, кузинка, кузло*» [6, с. 111]. Этой же точки зрения придерживается Т.Б.Лукинова: «Постоянная ассоциация Козьмы с кузнецом, кузницей, кузнечным делом, которое рассматривалось как магическое действие, способствовала дальнейшему сближению фонетического облика с апеллятивом» [7, с. 120]. Сравн. также: «*Кузьма* – имя собственное, народн., др.-русск. Косма, Козма. Из греч. Κοσμᾶς (произносится Kozmás), сближенного с кузнец» (Фасм. 2, 403). Характерно, что в народной загадке для обозначения цепи используется имя собственное *Кузьма*: «Узловат *Кузьма*, развязать нельзя (цепь)» [8, с. 50].

Существует точка зрения, согласно которой Кузьма и Демьян выступают в паре потому, что «кузнецов обычно было двое – мастер и подручный; созвучных христианских святых тоже оказалось двое – Кузьма и Демьян, что также способствовало скреплению их имен с кузнечным ремеслом» [9, с. 98]. Вполне очевидно, что парность названных святых в канонической традиции закрепилась и в народных представлениях.

Представление о Кузьме и Демьяне как о кузнецах отражено и в народном календаре. То обстоятельство, что празднование дня святых Кузьмы и Демьяна приходилось на 14 ноября по новому и на 1 ноября – по старому стилю, когда появлялся первый лед, только усиливало эти представления: «*Кузьма и Демьян сльвут в народе кузнецами*», «*Кузьма-Демьян-кузнец куёт лёд на земле и на водах*», «*Закуёт Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать*», «*Кузьма закуёт, а Михайло раскуёт* (21 ноября часто бывает оттепель)» (КГ, 400), «*Не закаваць зiме раку да Кузьмы*», «*Калі Кузьма закуе, дык Міхайла раскуе*» (БНК, 180). В народном календаре день Кузьмы и Демьяна осмыслялся как праздник кузнецов: «В народе рассказывают, что святые эти были кузнецами и за работу денег не брали ни с кого, отчего и зовут их бессребрениками» (КГ, 400). В данном представлении, несомненно, нашел отражение церковный культ святых Космы и Дамиана, которые были очень искусными исцелителями, «...ни от кого не брали вознаграждения за исцеления, за что и были прозваны «безмездными врачами»» [10, с. 5-6].

Вторая неканоническая функция Кузьмы и Демьяна – покровительство браку: «Косьма и Дамиан не только врачи, что имеет основание в житии их, но в то же время они соединяют любящие сердца, покровительствуют свадьбам, куют свадьбы и поминаются в свадебных песнях, – черты, наслонившиеся в народе и не имеющие ничего общего с житием святых» [11, с. 296]. По словам А.Н.Афанасьева, «к этим святым ковачам поселяне обращаются в своих свадебных обрядовых песнях с мольбою сковать брачный союз, крепкий, долговечный, на век неразлучный» [12, 1, с. 466].

Связь святого Кузьмы с кузнечным ремеслом и сферой брачных отношений вполне закономерна. Это подтверждается данными различных словарей, указывающих на совмещение в корне *kou- двух значений: значения ремесленного производства и значения, связанного с колдовством. Значение кузнечного производства отражено в русск. *кузло*, приведенном Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым в своей работе: «русск. *кузло* «кузнечная работа», «ковка», «кузнечный горн»» [13, с. 156-157]. Второе значение представлено следующими восточнославянскими лексемами: бел. диал. *кузла* «закрутка из колосьев на ниве, сделанная с целью колдовства» (СБГ 2, 558-559), рус.-ц.-слав. *кузньць* «кузнец», «колдун, чародей; странствующий актер» (СРЯ XI-XVII вв. 8, 109; Срезн. 1, 1360), рус. *кавник* «колдун, знахарь, шептун, ворожея» (Даль 2, 71), «колдун» (СРНГ 12, 293; ЭССЯ 12, 17-18). Это же значение подтверждается западнославянскими лексемами: чеш. *kouzlo, kouzlotoc* «колдовская сила», *kouzlití* «колдовать», «чаровать», «очаровывать», словацк. *kúzlo* «чары» и др. [13, с. 156-157].

Культ Кузьмы и Демьяна имеет устойчивые связи с представлениями о браке. В народном календаре день Кузьмы и Демьяна (1/14 ноября) назывался *кузьминки* и считался девичьим праздником: «*кузьминки и кузьминки* – день Кузьмы и Демьяна, 1 ноября по старому стилю» (СРНГ 6, 28). Брачные мотивы этого праздника отчетливо проявляются в следующем описании: «Девушки-подростки ходили по селу, собирали крупу, масло для каш (каша считалась символом плодородия и благополучия), потом варили ее и ели с постным, затем со скоромным маслом, а на «закладку» – с салом. Девы на выданье пекли в складчину блины, пироги, поминали Кузьмодемьяна, устроителя семейной жизни, матери и невесты просили у него счастливых браков. В русских свадебных песнях часто упоминаются атрибуты власти Кузьмодемьяна: *кузло* – молот, кующий брачные цепи, *кузенка* – плетень, символ солнечного луча, символ плодородия» [6, с. 188]. На основе метонимической соотнесенности сами свадебные песни в русских говорах называются *кузьминки* (СРНГ 6, 28).

В магическом влиянии Кузьмы и Демьяна на плодородие отразился, несомненно, близнечный культ парных святых. Идея плодородия выразилась в том, что Кузьму и Демьяна могли представлять одним лицом и даже лицом женского пола: «*Кузьмадемьяна* – обращение в молитвенной просьбе. Матушка *Кузьмадемьяна*, помоги мне» (СРНГ 6, 28). Кроме того, по народным представлениям, Кузьма и Демьян являются курьими богами. По данным народного календаря, на праздник Кузьмы и Демьяна было принято ставить на стол курицу» (см. КГ, 401), которая с древних времен известна как символ плодородия и ритуальное свадебное блюдо.

Представленный выше материал указывает и на присутствие в представлениях о Кузьме и Демьяне солярной символики: их атрибуты – кузенка – плетень, символ солнечного луча и плодородия, курица – символ обновления жизни, птица, имеющая солярную символику. Некоторые исследователи считают, что Кузьма-Демьян заменил языческого бога Сварога, покровителя ремесел (в частности, кузнечного) и покровителя браков.

Следует отметить, что в паремиях звуковое сходство имени и определенной лексемы даёт основание для использования этих слов в одном тексте. Так, народная этимология связала антропоним **Варвара** с *воровством* (первоначально такая связь возникла из-за того факта, что на улице *Варварке* в Москве находилась знаменитая *Варварская* башня (в народе просто *Варвара*), возле которой допрашивали пойманных в Москве разбойников и воров): Проворна **Варвара** на чужие карманы; Прогнали **Варвару** из чужого амбара.

В данном случае, как и в целом ряде других, используется приём этимологической магии [14, с. 259] – одной из важнейших особенностей многих фольклорных текстов. Приём этимологической магии основан на том, что магической аттракции подвергаются слова с частичным звуковым совпадением или слова этимологически родственные: На святого **Прокла** поле от росы *промокло*; На **Варвару** зима дорогу *заварит* (*заварварит*); **Варвара** *заварит*, **Савва** *засалит*, **Никола** *закуёт*; **Покров** землю *покроет*.

Таким образом, ИС являются одним из ключевых элементов мифопоэтического текста, вокруг которого может формироваться весь текст. Особенно это актуально для тех паремий, которые содержат имена, скрывающие информацию о дохристианских представлениях народа.

Литература

- 1 Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт словаря по Остромирову евангелию / Ф. И. Буслаев. – М., 1848. – 211 с.
- 2 Поллак, Джон. Апостол / Джон Поллак; Гл. ред. Михаил Моргулис. – Чикаго, 1990. – 260 с.
- 3 Сержпутоўскі, А. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукі / А. Сержпутоўскі. – Мінск, 1930. – 276 с.
- 4 Иванов, В. В. Близнечные мифы / В. В. Иванов // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т / Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М.: Сов. Энциклопедия, 1980. – С. 174 – 176.
- 5 Українські замовляння / Упоряд. М. Н. Москаленко. – Київ: Дніпро, 1993. – 309 с.
- 6 Кондратьева, Т. Н. Кузьмодемьян-свадебник / Т. Н. Кондратьева // Русская речь. – 1979. – № 1. – С. 108-111.

- 7 Лукинова, Т. Б. Лексика славянского язычества / Т. Б. Лукинова // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 119-124.
- 8 Церковно-народный месяцеслов на Руси И. П.Калинского. – М.: Худож. литер., 1990. – 238 с.
- 9 История культуры Древней Руси: Домонгольский период / Под ред. Н. Н.Воронина, М. К. Каргера: В 2 т. – Т. 2.: Общественный строй и духовная культура. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 545 с.
- 10 Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Июль. – Репринт. воспр. изд. 1910 г.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992. – 688 с.
- 11 Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значениях: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспр. изд. 1882 г. – 2 изд. – Мн.: БелЭН, 1994. – 550 с.: илл.
- 12 Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 ч. – Ч. 1 / А. Н. Афанасьев. – М., 1865. – 800 с.
- 13 Иванов, В. В., Топоров, В. Н. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов. Варшава. Август 1973 г.: Доклады сов. Делегации. – М.: Наука, 1973. – С. 153-169.
- 14 Толстой, Н. И., Толстая, С. М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н.И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1988. – С. 250-264.

УДК 821.161.1Замятин-3'06

Т. А. Осипова

Вербализация концептов *человек, мужчина, женщина, душа* в художественных текстах Е. Замятина

В статье рассматриваются особенности языкового выражения ключевых концептов человек, мужчина, женщина, душа в художественной прозе Е.И.Замятина. Выявляются общеязыковые и индивидуально-авторские реализации данных концептов.

Концепт как одно из важнейших понятий когнитивной лингвистики понимается и определяется в научной литературе по-разному. Приведем одно из возможных определений (Ю.С. Степанова): «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1, с.40]. Как отмечает Л. Буянова, «познавательные концепты противопоставлены концептам художественным. В художественном концепте сублимируются понятия, представления, эмоции, чувства, волевые акты. Каждый художественный текст/дискурс можно интерпретировать как личность, завершившую речевой акт, но не перестающую мыслить. Художественный концепт является как бы заместителем образа, в силу чего природа художественного освоения мира отличается эмоционально-экспрессивной маркированностью, особым словесным рисунком...» [2]. В данной статье мы рассмотрим вербализацию концептов человек, мужчина, женщина, душа в художественных текстах Е. Замятина (тексты Замятина цитируются по «Национальному корпусу русского языка» [3]).

Суперконцепт человек - один из самых значимых, ключевых концептов. В «Национальном корпусе русского языка» зафиксировано 67 контекстов Е.И. Замятина с ядерной лексемой *человек*, представляющей данный концепт. Интересный, можно сказать философский, подход к определению человека представлен в романе «Мы». Писатель сожалеет о «дикости» человека, предпочитает, чтобы каждый человек был *homo sapiens*: *Мне пришла идея: ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые «квартиры», — человеческие головы непрозрачны, и только крошечные окна внутри: глаза; Человек перестал быть диким*